

В. В. КОЛОДА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖЕЛЕЗОПРОИЗВОДЯЩЕГО КОМПЛЕКСА «ЛИМАНСКОЕ ОЗЕРО»

История черной металлургии Восточной Европы исследована далеко не полностью. Поэтому заметка С. И. Татаринова о железоделательном горне на поселении «Лиманское озеро» в Донецкой обл. привлекла внимание специалистов. В связи с тем, что исследованный чернометаллургический комплекс располагался вплотную к жилищу бондарихинской культуры, автор раскопок относит его к бондарихинскому времени [1, с. 281 — 283]. По его мнению, конструкция горна была близка к лютежскому и лесостепным скифским [1, с.283]. Такая же интерпретация находки закреплена и дополнена графической реконструкцией в коллективной работе по черной металлургии Украины III в. до н. э. — III в.н. э. [2, с. 14, рис. 2]. В итоге в археологической литературе складывается мнение о ранней датировке этого горна. И, как следствие, он играет роль отправной точки в истории черной металлургии данного региона Восточной Европы. Такая позиция требует более весомых доказательств, чем приведенные в указанных работах.

Поиску новых аргументов (с точки зрения типологии сооружения) посвящено несколько страниц монографии С. В. Панькова [3, с. 30 — 35, рис. 5]. В ней автор отходит от толкования находки как сооружения наземного типа, предлагая интерпретировать ее как три рядом расположенных горна. В качестве доказательства ямной конструкции и ее древности автор приводит ряд сходных чернометаллургических печей с европейскими памятников раннего железного века. Хотя по размерам и типологически они действительно близки, полных аналогий нет. Приведенные в их качестве печи Центральной и Западной Европы имели опорные камни для установления мехов. В конструкции стен у некоторых печей также использовались камни. И дело не столько в типологических нюансах, сколько в стратиграфии этой интересной находки на памятнике Лиманское Озеро.

Заметим, что ямный способ железнодобычи существовал не только на ранних стадиях производства, но и в средневековье. Примером может служить салтовская археологическая культура [4, с. 86-87; 5, с. 14 — 16]. Ямный способ добычи черного металла использовался в Волжской Болгарии [6, с. 292 — 314], среди фино-угорского населения Верхней Камы и Средней Волги [7, с. 237; 8, с. 21,104] и др..

Ряд обстоятельств, связанных с данной находкой, вызывают возражения как по датировке, так и по ее реконструкции. Считаем необходимым еще раз вернуться к этому интересному комплексу, чтобы привести наиболее существенные возражения против синхронности плавильни и соседствующего жилища бондарихинской культуры. Некоторые критические замечания по поводу их несинхронности были высказаны в упомянутой коллективной монографии [2, с. 13]. Однако они не изменили культурно-хронологического определения железопроизводящего комплекса. Представляется, что интерпретация и реконструкция этого памятника металлургии выглядит иначе [9, с. 38 — 39; 10, с. 45 — 47].

По мнению С. И. Татарина, доказательством синхронности жилища и горна является «одинаковая глубина залегания, взаимная ненарушаемость, наличие в жилище у дна — шлаков, а в полости горна — кусочков бондарихинской керамики» [1, с. 283]. Одинаковая глубина залегания: 0,4 — 0,6 м вглубь материка — у жилища и 0,5 м — у горна, не могут служить доказательством их синхронности. Подобное совпадение может быть вызвано независимыми друг от друга традициями домостроительства, с одной стороны, и традициями в технологии создания железопроизводящего горна, с другой. Такое совпадение носит вполне случайный характер. Следует также отметить, что автор раскопок, сообщая общую глубину залегания жилища от дневной поверхности — 1,0 — 1,1 м, относительно горна сообщает лишь о его заглубленности (до 0,5 м) по отношению к верхнему краю материка [1, с. 283; 12, с. 46].

Из полевого отчета видно, что это связано с обнаружением горна на той площади селища, которая была подвержена деструкции (равно как и прилегающая часть жилища). Время деструкции памятника не установлено. Но если допустить общую глубину залегания горна 1,0 — 1,1 м (как у жилища), то это противоречит его реконструкции по типу лютежского [2, рис. 11, 20 — 21; 11, с. 51 — 74]. Горны римского времени, к которым относится лютежский комплекс, достаточно широко известны на территории Правобережной Украины и имеют не только меньшую высоту, но и значительно меньшие горизонтальные размеры [2, с. 29 — 53, рис. 10 — 13, 16 — 21, 25 — 29]. Сопредельное расположение жилища и горна свидетельствует, скорее всего, о одновременности жилого и металлургического комплексов. О пожароопасности такого соседства говорилось и ранее [2, с. 14].

Наиболее существенным доказательством их одновременности является сообщение о наличии железных шлаков в жилище. Обращает на себя внимание то, что в опубликованном плане жилища автор не указывает конкретные места их обнаружения. Но из чертежей, приложенных к отчету видно, что шлаки найдены в том месте, где помещение было подвергнуто деструкции, а неповрежденная площадь жилища шлаков не содержит [12, с. 46].

И наконец, о наличии кусочков бондарихинской керамики в полости горна. Из отчета автора видно, что фрагменты подвергались вторичному обжигу и имели вид пережженных [12, с. 46]. Это обстоятельство объяснимо лишь более поздним существованием горна.

Есть ряд возражений и по поводу реконструкции рассматриваемого горна, помещенной в ранее упомянутой коллективной работе [2, с. 14, рис. 2]. В ней он представлен как «наземный сыродутный горн стационарного шахтного типа с углубленной топкой, служившей для многократного использования» [2, с. 14]. Последнее обстоятельство доказывается, по мнению авторов, отсутствием монолитного шлакового кома. Однако общее незначительное количество шлака не подтверждает, по нашему мнению, этот тезис. Авторы располагают горн в юго-западной части комплекса, а остальное интерпретируют как предгорную яму (рис. 1). У ее северо-восточной стороны, по предложению реконструкторов, был устроен навес, опирающийся на столбы. Попутно заметим, что эти столбы вполне могут быть связаны с жилищем. На эту мысль наводят данные отчета об одинаковой глубине этих ямок и столбовых ямок жилища [12, с. 46]. Предложенная реконструкция металлургического комплекса не объясняет наличие 2-4 см слоя ошлакованной глиняной обмазки на стенках интерпретируемой предгорной ямы. Немаловажно и то, что в этом случае сама «яма» расположена выше дна реконструируемого горна и имеет общий наклон в его сторону.

Кроме вышперечисленного, заметим, что выявленные чернометаллургические горны скифского времени заметно отличаются от рассматриваемого комплекса [13, с. 110 — 112]. Все вышесказанное позволяет вновь поставить вопрос о реконструкции и культурно-хронологической принадлежности металлургического комплекса с поселения «Лиманское озеро». Счита-

ем, что он не связан с жилым помещением и рассматриваем его в качестве самостоятельного. В таком случае жилище и горн могут принадлежать к разным археологическим культурам.

Направление поисков может указать материал самого селища. Раскоп 5А, где в 1977 г. был выявлен комплекс, располагался вплотную к раскопу 5 предшествующего года [12, с. 44]. В материалах последнего находки безусловно относятся ко времени салтовской культуры. Средневековый культурный слой расположен поверх культурных отложений бронзового века. Небезынтересно, что авторы раскопок связывают с бондарихинской культурой лишь 30% лепного керамического материала нижнего культурного слоя. Среди находок в этом раскопе к салтовским относятся фрагменты амфор и пряслица из их стенок [14, с. 34, 42]. Здесь же, рядом с рассматриваемым комплексом, расположен грунтовой могильник с захоронениями последней четверти I тыс. [14, с. 44, 55]. Таким образом, данный памятник содержит остатки бронзового века и эпохи раннего средневековья.

Известные на сегодня два типа железоделательных горнов салтовской культуры на территории Днепровского Левобережья хорошо описаны и не дают нам аналогий находке из «Лиманского озера» [4, с. 86 — 87; 15, с. 77 — 79]. Нам представляется возможным обратиться за ними к чернометаллургическому производству таштыкской культуры I в. до н. э. — V в. н. э., население которой составило впоследствии основу Древнехакасского государства [16, с. 81 — 85].

В научной литературе высказано две точки зрения на время бытования таштыкских древностей. Одна из них, традиционная, относит время бытования этой культуры к I в. до н. э. — V в. н. э. [16, с. 85; 17, с. 145]. Однако последний автор говорит о возможности существования отдельных таштыкских материалов вплоть до VII в. н. э. [17, с. 146]. Несколько иную точку зрения в настоящий момент представляет П. П. Азбелев, который выделяет целую группу таштыкских памятников V — VII вв. [18, с. 48 — 52].

Многочисленные металлургические памятники, исследованные в долине р. Белый Июс Хакасско-Минусинской котловины позволяют провести интересные сравнения их конструкций с комплексом на Лиманском озере, несмотря на их территориальную отдаленность. Особенно это заметно, если сравнить рассматриваемый комплекс с находками в урочище Кюльбюсиг [16, с. 30 — 34, рис. 5 — 8]. Наиболее полное типологическое и конструктивное сходство прослеживается с двумя комплексами сопряженных горнов: 4, 5, 6 и 7, 8, 9 [16, с. 32 — 34, рис. 7, 8] — рисунки 2, 3.

Лучшая сохранность таштыкских горнов по сравнению с памятником на Донеччине связана с тем, что они создавались в глиняном грунте и не подвергались деструкции. Сравнимые плавильни (таштыкские и «Лиманское озеро») имели глиняную обмазку внутренней поверхности рабочего пространства горнов толщиной 2-4 см, на которой имелся прикипевший шлак [12, с. 46; 16, с. 32 — 33]. В каждой из отдельно взятых ям найдены разрозненные небольшие куски шлака. Глубина залегания комплексов в материк практически совпадает. Сходство горизонтальных размеров также очевидно.

Таштыкские горны 4 и 6 создавались так, что к одной из их стенок подводилось воздуходувное устройство, меха которого располагались в центральной яме 5 (рис. 2), которая не имела следов глиняной обмазки. В ней были обнаружены лишь зола и шлаки. В аналогичном соседствующем комплексе все три сопряженные ямы-плавильни имели ошлакованную обмазку (рис. 3). Это позволяет предположить, что его центральная яма 9 использовалась не только для установки мехов, но и в качестве горна. Подтверждение этому мы находим в подобном таштыкском комплексе на соседнем памятнике у с. Половинка [16, с. 42 — 43, рис. 16]. Его сопряженные горновые ямы 3, 4, 5 однозначно свидетельствуют о том, что каждая последующая яма первоначально использовалась для установки мехов к предыдущей. Мехи к последней яме 5 располагались на повер-

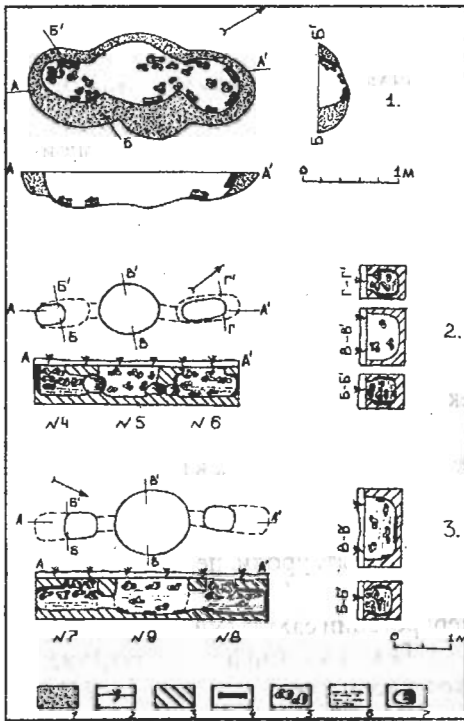

Рис. 1 — Чернометаллургический комплекс с поселением «Ливанское озеро».

Рис. 2 — Комплекс железопроизводящих горнов 4, 5, 6 из урочища Кюльбюсиг.

Рис. 3 — Комплекс железопроизводящих горнов 7, 8, 9 из урочища Кюльбюсиг.

Условные обозначения:

- 1 — Материковый песок с вкраплениями угля
- 2 — Дерновой слой
- 3 — Глина
- 4 — Ошлакованная глиняная обломка
- 5 — Железные шлаки
- 6 — Зола
- 7 — Камень.

личие территориальной и временной лакуны между горнами Хакасии и комплексом «Лиманское озеро». Но сложные события политической и этнической истории населения евразийских степей в третьей четверти I тыс. н. э. не отрицают возможности перенесения технологических традиций и их тюркоязычных носителей на столь значительные расстояния.

Несмотря на то, что на рассматриваемой территории Хазарии данный тип металлургического комплекса представлен пока единственным памятником, нам представляется возможным выделить его в отдельный, третий тип, железопроизводящих горнов салтовской археологической культуры.

хности и подводились к горну через сохранившееся воздухоудное отверстие.

Таким образом, налицо сходство технологической традиции в создании железопроизводящих комплексов Хакасско-Минусинской котловины и «Лиманское озеро». Считая такое сходство основополагающим и решающим в данном случае, мы вполне можем рассматривать находку Татаринова С. И. как комплекс из сопряженных горнов. Такая реконструкция, по нашему мнению, устраняет все неясности и противоречия. Подкрепляет эту позицию и находка обломков глиняного сопла в центральной части рассматриваемого сооружения [12, с. 46]. Аналогичные сопла известны на памятниках таштыкской металлургии. Они выявлены как в самих горнах, так и на прилегающей территории [16, с. 28-64].

В связи с худшей сохранностью памятника «Лиманское озеро» (он находился на песчаной дюне) возможны два варианта его конструкции. Первый: комплекс состоял из двух горнов (в крайних ямах), а в центре располагалась яма для мехов. Второй: все три ямы, обозначенные четко фиксируемыми овалами, представляют собой последовательно сооруженные железопроизводящие горны. В пользу второй интерпретации в какой-то мере свидетельствует наличие обмазки во всех трех ямах. Но в любом случае перед нами сопряженные горны ямного типа с принудительным односторонним дутьем.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что металлургический комплекс на Донеччине имеет наиболее полные аналогии с железодельными комплексами населения Хакасско-Минусинской котловины первой половины I тыс. н. э. На основании этого мы вправе предположить сохранение производственных традиций таштыкских металлургов и их проявления на территории Юго-Восточной Европы в хазарский период. Безусловно, мы осознаем на-

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаринов С. И. Железодельательный горн бондарихинской культуры // СА.— 1960.— № 3.
2. Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.— III в. н. э.).— Киев, 1983.
3. Паньков С. В. Чорна металургія населення Українського лісостепу (перша половина I тис. н. е.).— К., 1993.
4. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата.— Х., 1985.
5. Колода В. В. Чорна металургія Дніпро-Донського межиріччя у другій половині I тис. н. е.: Автореф. дис...канд. ист. наук.— К., 1996.
6. Ефимова А. М. Черная металлургия города Болгара // МИА.— 1958.— 61.
7. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА.— 1952.— № 28.
8. Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы.— Свердловск, 1989.
9. Колода В. В. К вопросу о типологии железоплавильных горнов салтовской культуры // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. Тез. докл. конф.— Х., 1991.
10. Колода В. В. К вопросу об этнической интерпретации салтовских железоплавлен // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Тез. докл. конф.— Пенза, 1992.
11. Бидзиля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА.— 1969.— № 160.
12. Татаринов С. И. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Артемовского и Краснолиманского районов Донецкой области в 1977 г.— Архив ИА НАНУ.— К.— 1977/121.
13. Шрамко Б. А., Шрамко И. Б. Ямные сырдутные горны Скифии // Материалы и тезисы научной конф., посвященной 30-летию кафедры историографии, источниковедения и археологии.— Х., 1994.
14. Татаринов С. И., Копыл А. Г., Колесник А. В., Дегерменджи С. М. Отчет о археологических разведках и раскопках Артемовской экспедиции в 1976 году.— Архив ИА НАНУ.— К.— 1976.— № 107.
15. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. // Археологические открытия на новостройках.— М., 1987.— Вып. 2.
16. Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии.— Новосибирск, 1979.
17. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея.— А., 1986.
18. Азбелев П. П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Тез. докл. конф.— Красноярск, 1992.— Т. II.

SUMMARY

The article is about the analysis of the found of the memorial of the iron metallurge «Liman Lake» in Donetsk region. Basing on the facts of stratigraphy and technological fact, there is proposing of new date of this memorial — VIII – X cent. It is proposed the reconstructions of the memorial by analogy with furnaces of Tashtyk culture (Eastern Siberia).

